

Совсем рассвело. Цзян Суйчжоу хотел еще поспать, но из-за того, что ночной отдых был крепким, сон больше не шел. Поэтому он встал пораньше, и Мэн Цяньшань уже успел подать завтрак.

Хо Уцзю тоже поднялся рано. Хотя они делили одну спальню, общения между ними почти не было. Пока Мэн Цяньшань помогал Цзян Суйчжоу умываться, Хо Уцзю сам привел себя в порядок во внутренних покоях. Когда он вернулся в кресле, Сунь Юань подкатил его к столу. Завтрак был уже накрыт. Цзян Суйчжоу сидел за столом и неспешно листал книгу. Он не то чтобы ждал Хо Уцзю специально, просто старая привычка не позволяла ему братья за палочки, пока все не соберутся за столом. Увидев генерала, Цзян Суйчжоу отложил книгу и принялся за еду. Они завтракали в полном молчании.

Однако сегодня Цзян Суйчжоу чувствовал: что-то не так. Ему казалось, что Хо Уцзю то и дело украдкой поглядывает на него. Но стоило принцу поднять глаза, как он видел лишь бесстрастное лицо генерала, который ел, не достаивая его и взглядом. Странно всё это.

Зато Мэн Цяньшань, стоявший рядом, заметил, как его господин всё утро бросает взгляды на «госпожу Хо». В его глазах это выглядело так, будто принц просто не может сдержать чувств в присутствии возлюбленного. Как верный слуга, он решил, что должен помочь господину.

С этими мыслями Мэн Цяньшань с широкой улыбкой заговорил:

— Хозяин, вчера приходил плотник. Вы ведь специально упоминали, что кресло господина совсем никуда не годится, вот я и велел ему поторопиться. Только что передали: новое кресло доставят в наш двор уже сегодня!

Цзян Суйчжоу поднял на него взгляд и увидел, как Мэн Цяньшань изо всех сил ему подмигивает. Не нужно было быть гением, чтобы понять: малый пытается выставить его в лучшем свете перед Хо Уцзю, намекая, как сильно принц о нем заботится. Цзян Суйчжоу почувствовал неловкость. Впрочем, подумав, он решил, что цели у них общие — пусть Мэн Цяньшань по-своему задобряет Хо Уцзю.

— Хорошо, — коротко бросил он. — Если доставят пораньше, выкати его проветриться, проверь, удобно ли оно.

Всё равно он весь день будет в министерстве, а у болтливого Мэн Цяньшаня полно свободного времени — пусть поможет Хо Уцзю подышать свежим воздухом.

Мэн Цяньшань радостно согласился.

— Если Ван-е вернется пораньше, сможете прогуляться вместе! — добавил он.

...Ну, это уже был перебор. Цзян Суйчжоу одарил его предостерегающим взглядом. Евнух тут же притих, виновато улыбаясь.

Но когда Цзян Суйчжоу перевел взгляд на Хо Уцзю, он внезапно столкнулся с ним глазами. Генерал смотрел на него — взгляд был по-прежнему холодным, но в нем промелькнуло что-то сложное и непонятное. При этом брови его были крепко сдвинуты.

Принц замер, но Хо Уцзю тут же отвел глаза и больше на него не смотрел. Цзян Суйчжоу пребывал в легком замешательстве. «Это... я что-то не то сказал и разозлил его?»

Цзян Суйчжоу было недосуг разбираться, что именно не так с Хо Уцзю. Покончив с трапезой,

он прямым отправился в ведомство Министерства ритуалов бить баклуши. В поместье остался один лишь Мэн Цяньшань, который с необычайным рвением и подбострастием увивался вокруг Хо Уцзю.

Генерал холодным взором наблюдал за тем, как этот евнух суется вокруг него. Лишь когда прибыл плотник с новым креслом, слуга ненадолго удался, и Хо Уцзю наконец смог насладиться тишиной. Он поднял руку и потер переносицу. Шумный малый.

В этот момент Сунь Юань, всё это время безмолвно стоявший за его спиной, осторожно шагнул вперед и вложил ему что-то в руку. Хо Уцзю поднял на него взгляд и увидел, что юноша весь одеревенел, а на лице его написан смертный ужас.

— Это... кое-кто просил передать вам, — пролепетал Сунь Юань, понизив голос до шепота. Он никогда раньше не делал ничего подобного, и это поручение давалось ему с огромным трудом.

Накануне, когда он выкатил господина Хо во двор, его перехватили у ворот и сунули в руку слиток серебра, наказав передать письмо. Сунь Юань знал, что за человек их Ван-е и каково положение господина Хо. Разумеется, он не посмел согласиться и, поспешно отказавшись, сбежал. К счастью, тот незнакомец не оказался закоренелым злодеем и не стал настаивать, как не стал и убивать свидетеля.

Однако на следующий же день Ван-е распорядился: любые письма или вещи, присланные Хо Уцзю, нужно тайно передавать ему в руки. От этого приказа Сунь Юань окончательно обомлел. Но раз уж сам Ван-е велел, он не посмел ослушаться. В ту же ночь, по дороге домой, он снова встретил того человека.

— Прощу тебя, просто передай это письмо, — умолял незнакомец. — Генерал Хо — человек осторожный, он не оставит следов, которые могли бы тебя подставить.

Сунь Юань замялся. «Раз... раз уж сам Ван-е приказал...»

Заметив его колебания, незнакомец с надеждой воскликнул:

— Ну как? Я добавлю денег, мы договоримся!

Сунь Юань, человек от природы честный, при этих словах от испуга начал заикаться. Дело было вовсе не в деньгах. Но он явно не мог просто сказать, что это Ван-е велел ему носить почту... Появись мгновение, Сунь Юань выдал:

— Ладно. Добавь денег.

— Сколько? — поспешно спросил тот.

Сунь Юань помедлил и застенчиво вытянул два пальца.

— Добавь... два цян серебра.

Незнакомец: «...?!»

Так, с недоумением размышляя о том, почему этот парень набивает цену столь «по-божески», незнакомец всё же вручил письмо Сунь Юаню, а тот передал его в руки Хо Уцзю. Генерал взглянул на конверт, а затем поднял проницательный взгляд на слугу. Под этим взором Сунь Юань так занервничал, что боялся даже вздохнуть, замерев на месте, словно бамбуковый шест.

— Кто велел тебе это принести? — низким голосом спросил Хо Уцзю.

Сунь Юань заикнулся:

— Не знаю...

Хо Уцзю уточнил:

— Я спрашиваю, чей приказ позволяет тебе передавать мне письма?

«Ван-е запретил говорить!» Сунь Юань плотно сжал губы и не проронил ни слова. Увидев его реакцию, Хо Уцзю всё понял, хоть и не услышал ни звука.

...Немыслимо. В юности он пару раз бывал в Ечэне вместе с отцом, но совершенно не помнил, чтобы когда-либо встречался с этим принцем Цзином. Слова о «любви» звучали крайне нелепо. Однако, если сопоставить их с поведением принца в последние дни, всё начинало обретать смысл... Его напускная свирепость, за которой скрывалась робость, и это необъяснимо доброе отношение к пленнику — всему нашлось оправдание.

Но всё же... Ладно бы тот просто питал к нему какие-то вздорные чувства — Хо Уцзю видел, как принц, словно вороватый мышонок, проявлял о нем заботу. Но это... Он медленно погладил пальцами бумагу конверта. Он был военнопленным вражеского государства, находящимся под стражей. Передавать ему подобные вещи...

Хо Уцзю не знал, то ли этот принц Цзин безумно отважен, то ли просто непроходимо глуп. Или же... Генерал озадаченно нахмурился. Неужели чувства способны настолько ослепить человека, что интересы страны и собственная жизнь отходят на второй план?

В военной стратегии и интригах власти он был искушен, но в таких делах его познания были равны нулю. Отсутствие опыта лишило его способности здраво судить. Его душевное равновесие внезапно пошатнулось. Казалось, любые его дальнейшие интриги и расчеты станут лишь подлым использованием чужой привязанности.

Когда Сунь Юань благоразумно удалился, Хо Уцзю вскрыл конверт. Бумага была немного помята, словно тот, кто писал письмо, пребывал в крайнем негодовании. Хо Уцзю взглянул в окно. Мэн Цяньшань о чем-то толковал с плотником; тот поспешно записывал указания — видимо, евнух требовал внести какие-то правки. Заметив вышедшего Сунь Юаня, Мэн Цяньшань тут же подозвал его и усадил в кресло, принявшись катать по двору. Проверяли на прочность.

Хо Уцзю опустил глаза и развернул письмо.

«Ваш покорный слуга расстался со старым маркизом более десяти лет назад. Битва при Сюньяне наполнила мое сердце такой скорбью и гневом, что я едва владел собой. Но, вкушая милость государя, я не имел иного пути. И хоть ныне мы оба в Линьане, мне стыдно явиться пред очи генерала».

К этому моменту иероглифы стали расплывчатыми от слез. Хо Уцзю нахмурился и первым делом перевернул письмо на последнюю страницу, чтобы увидеть подпись. Цзи Хунчэн. Это имя было ему знакомо. У Южного Цзина сейчас почти не осталось полководцев, и Лоу Юэ, старый друг его отца, был одним из немногих. Автор письма, вероятно, был бывшим

подчиненным Лоу Юэ, а ныне занимал должность в Военном министерстве.

Хо Уцзю вернулся к началу. Раскаяние и муки совести этого человека не тронули его. В свое время покойный император, опасаясь могущества семьи Хо, намеренно лишил их подкрепления и провианта в самый разгар войны, а после и вовсе выдумал обвинения, чтобы истребить весь род. Его отец поднял восстание именно из-за кровной вражды с императором, это не касалось судеб государства, а значит, и других соратников это не должно было затронуть — от них не требовали бунтовать вместе с ними. Верность государю — долг чиновника. Поднимать мятеж ради «братской верности» — удел людей из мира «цзянху», а не государственных мужей.

(Цзянху (буквально «реки и озера») — мир вольных мастеров боевых искусств и героев, живущих по кодексу чести и личной преданности, в противовес официальному миру чиновников и государственных законов.)

Хо Уцзю равнодушно скользнул взглядом по строкам исповеди и перешел к сути. Внезапно его брови поползли вверх.

«Ваш слуга знает о вашем нынешнем тяжелом положении и молит генерала: терпите унижения ради великой цели, копите силы. Принц Цзин — человек далеко не добродетельный. Сегодня на утренней аудиенции он бесстыдно вел грязные речи перед императором, во всеуслышание разглаживая о ваших с ним утехах на ложе. Позже, когда государь велел генералу явиться во дворец, этот человек выказал явное отвращение и, даже пожертвовав правом на ремонт родового храма, настоял на том, чтобы запереть генерала в своем заднем дворе. Отсюда видна вся низость и подлость этого человека, прошу генерала, берегите себя. Генерал Лоу ныне занят подавлением бандитов в Линнани, а мой голос слишком слаб, и я бессилие отплатить за доброту старого маркиза. Но знайте: если придет день, когда я понадобится вам, я приложу все силы».

На этом короткое письмо заканчивалось. Хо Уцзю поднял лист и поднес его к лампе, которую специально для него зажег Сунь Юань. Пламя лизнуло бумагу, мгновенно превращая край в пепел. Но вдруг Хо Уцзю резко отдернул руку. Он держал обгоревшее письмо, и его взгляд снова замер на предпоследнем абзаце. Сам того не замечая, он перечитал эти строки несколько раз. Когда он пришел в себя, то понял, что почти заучил их наизусть. Словно пытаясь скрыть собственное замешательство, он снова поднес бумагу к огню и сжег её вместе с конвертом дотла.

Блики пламени плясали в его глазах. Хо Уцзю смотрел на огонь, и на его лбу пролегли глубокие складки. Он никак не ожидал... Даже старые друзья его отца знали, когда нужно промолчать ради самосохранения. Но этот трусливый «белый кролик», у которого с ним не было ничего общего, этот человек, лишь притворяющийся свирепым, на деле вступился за него перед всем двором, рискуя собой и отказываясь от власти. ...И всё это лишь ради того, чтобы избавить его от издевательств Цзян Шуньхэна.

Он и помыслить не мог, что однажды его, великого генерала, будет защищать человек с такими хрупкими плечами.

От автора: Хо Уцзю: «Он так сильно меня любит».